

Уважаемый Александр Исаевич!

Это письмо не может не появиться по двум обстоятельствам и одной наисерьезной озабоченности:

— недавняя находка рукописи «Тихого Дона» положила конец обвинениям в плагиате, инициатором которых с 1974 года стали Вы;

— однако в стране и в мире продолжает оставаться Ваша обширная критическая шолоховиана.

Какой же выбор следует сделать читателям? Может быть, мое Обращение поможет Вам и им.

ШЕСТЬ ОПРОВЕРЖЕНИЙ ОБВИНЕНИЯМ В ПЛАГИАТЕ

Ваши переиздающиеся сочинения с именем М.А. Шолохова за много лет стали фактором общественного мнения. Они используются с одной целью — сбросить классика с корабля современности.

Их принимают на веру, ибо помнят Ваше авторитетное правдоискательство. К тому же стиль таков, что не оставляет сомнений. Он передает неподготовленному читателю Ваши предположения как данную раз и навсегда, без всяких полутонов, единственную истину. Это, как понимаю, оттого, что и изложены они не в спорах, не со всеми «за» и «против», и не сопоставлены с другими мнениями и с подлинными фактами.

Начну свое Письмо с разбора Вашего Предисловия к книге И.Медведевой «Стремя «Тихого Дона». Загадки романа» (1-е издание под псевдонимом «Д»). Все здесь подчинено утверждению, что Шолохов — литвор и все-де в его биографии и творчестве доказывает это.

Но доказательны ли Вы со всеми своими пунктами доказательства? Предлагаю перечитать, но с пояснениями-комментариями (ув, по возможностям Письма наикраткими).

1. «Не хранятся ни в одном архиве, никому не предъявлены черновики рукописи романа...»

Этот довод несостоятелен не только по факту находки рукописи 1-х книг романа в 1999 году. Те, кто помогал переиздавать Предисловие, зачем-то скрыли от Вас, что 259(!) страниц автографов других томов с давних лет хранятся в Институте Русской литературы РАН (даже изданы: «Из творческого наследия русских писателей XX века. М. Шолохов...», «Наука», СПб., 1995).

2. Еще от Вас будто бы доказательства, что не мог Шолохов быть автором: «Перед читающей публикой проступил случай небывалый в мировой литературе. Двадцатитрехлетний дебютант

создал произведение, далеко превосходящее его жизненный опыт и его уровень образования». На самом деле:

— не был новичком-дебютантом. Уже были книги рассказов и приступил к роману «Донщина». И уже они начинали намыивать драгоценные крупинки тонкого познания драматических событий.

— Возраст... Ошибка в подсчете: роман завершен в 35 лет от роду, т.е. писался 14 лет. Добавлю: история хранит множество блестящих примеров взлета совершенного (!) творчества в юные

годы — Шиллер, Байрон, Лермонтов, Диккенс, Толстой...

— Образование... Но ведь были классы в городской гимназии, московской тоже, и учеба в литобъединении, во главе которого тот, кто удостоен от Толстого высокой оценки, — Серафимович. И самообразование. Вот эхо 1933 года: «На лаврах пока не почил. Учусь помалу, крепко интересуюсь философией...» Вот свидетельство Вашей, Александр Исаевич, соратницы О.Карлайл: «Из разговора Шолохова стало ясно, как он начитан, особенно в области русской литературы». Кстати, высшего образования не имели те же Диккенс и Толстой, а Горький и школы не кончал.

3. Новый аргумент, что не ему принадлежит роман: «С живостью и знанием описал мировую войну, на которой не бывал по своему десятилетнему возрасту, и гражданскую войну, оконченную, когда ему исполнилось 14 лет».

Но разве сами Вы, автор сочинений о 1-й мировой и о революционной, не повторили возрастные творческий опыт Шолохова? А

временному, без былых партпроповских шор, прочтению «Целины» отдана глава «Роман вчера — роман сегодня». Книгу передал Вам через секретаря. Или «Судьба человека». Среди тех, кто восторгался, — Хемингуэй.

Напомню и такое: Толстой, к примеру, тоже многокнижник. Один роман не повторил. Другим возражениям быть в предзаключительном разделе.

5. Саркастично Вы нашли-определили место «плагиатору» в обществе: «Сам непревзойденный Сталин назвал Шолохова «знаменитым писателем нашего времени». Не поспоришь...» Однако взаимоотношения вождя и творца никак не могут быть писаны одной краской. И дело не только в том, что, вопреки Вашему предположению, не только оспаривали, но ведь били на уничтожение Шолохова (см. главу «И еще пять возражений...»).

— Те, кто изыскал для Вас цитату, скрыли ее отнюдь не восхвалительное продолжение — слова вождя-диктатора: «Тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок...» Не зря сразу же последовала команда —

запретить переиздание и начинать переделку.

— Не остановился Сталин. Через три года, в 1932-м, велел не признавать любимого у Шолохова и у читателей героя правдоискателем: «Мелехова нельзя считать типичным представителем крестьянства...» Вот откуда пошло: «отщепенец». Сколько же десятилетий извращали роман?! 1948-й — еще «забота» Сталина: не назвал Шолохова в числе лучших писателей, отвечая на вопрос одного из видных деятелей зарубежного комдвижения. И тут же в школьном учебнике появилась

не шолоховед, а занималась дореволюционным временем (в моей книге подробно об этом). Скрыли от Вас, а Вы, следовательно, от своих читателей: — то, что сразу по выходе опасаемой Вами книжки появились — и ведь от Ваших друзей! — противопоставные мнения. Это Н.Струве, а сам же издал ее во Франции: «Окончательных доказательств в принципе нет...» Это высланные за границу А.Зиновьев и Вл.Максимов. У последнего такое: «Я читал книгу литературоведа «Д» и, как юрист по образованию, не могу признать, что он

присуждения Вам Ленинской премии.

Не верю. Вспомнилось присловье: «Суд не на осуд, а на рассуд». Просто у Вас не получилось рассудить все по правде, ибо не дано было хоть как-то полно познать биографию его и творческое наследие по последствиям войны и тюрьмы с каторгой, затем беспоконной жизни в борьбе с властью и недругами, и эмиграции. Тут-то вино издателей-редакторов. Не подсказывали, где слабина под Вашим пером по полному пренебрежению фактами, а то и противопоставничеству им, где эмоции

не шолоховед, а занималась дореволюционным временем (в моей книге подробно об этом). Скрыли от Вас, а Вы, следовательно, от своих читателей: — то, что сразу по выходе опасаемой Вами книжки появились — и ведь от Ваших друзей! — противопоставные мнения. Это Н.Струве, а сам же издал ее во Франции: «Окончательных доказательств в принципе нет...» Это высланные за границу А.Зиновьев и Вл.Максимов. У последнего такое: «Я читал книгу литературоведа «Д» и, как юрист по образованию, не могу признать, что он

присуждения Вам Ленинской премии.

Не верю. Вспомнилось присловье: «Суд не на осуд, а на рассуд». Просто у Вас не получилось рассудить все по правде, ибо не дано было хоть как-то полно познать биографию его и творческое наследие по последствиям войны и тюрьмы с каторгой, затем беспоконной жизни в борьбе с властью и недругами, и эмиграции. Тут-то вино издателей-редакторов. Не подсказывали, где слабина под Вашим пером по полному пренебрежению фактами, а то и противопоставничеству им, где эмоции

не шолоховед, а занималась дореволюционным временем (в моей книге подробно об этом). Скрыли от Вас, а Вы, следовательно, от своих читателей: — то, что сразу по выходе опасаемой Вами книжки появились — и ведь от Ваших друзей! — противопоставные мнения. Это Н.Струве, а сам же издал ее во Франции: «Окончательных доказательств в принципе нет...» Это высланные за границу А.Зиновьев и Вл.Максимов. У последнего такое: «Я читал книгу литературоведа «Д» и, как юрист по образованию, не могу признать, что он

из-под тонко, по-девичьи приподнятых бровей... И глаза, когда говорил, и губы чуть усмехались: «Дескать, знаю, знаю, брат, вижу тебя насковоз...»

Что же было на самом деле? На следующий день в Вешки ушла телеграмма: «Глубокоуважаемый Михаил Александрович! Я очень сожалею, что вся обстановка встречи 17 декабря, совершенно для меня необычная, и то обстоятельство, что как раз перед Вами я был представлен Никите Сергеевичу, — помешали мне выразить Вам тогда мое неизменное чувство, как высоко я ценю автора бессмертного «Тихого Дона». От души хочется пожелать Вам успеш-

из-под тонко, по-девичьи приподнятых бровей... И глаза, когда говорил, и губы чуть усмехались: «Дескать, знаю, знаю, брат, вижу тебя насковоз...»

Михаил Шолохов. Фото Валерия Шустова

из-под тонко, по-девичьи приподнятых бровей... И глаза, когда говорил, и губы чуть усмехались: «Дескать, знаю, знаю, брат, вижу тебя насковоз...»

Что же было на самом деле? На следующий день в Вешки ушла телеграмма: «Глубокоуважаемый Михаил Александрович! Я очень сожалею, что вся обстановка встречи 17 декабря, совершенно для меня необычная, и то обстоятельство, что как раз перед Вами я был представлен Никите Сергеевичу, — помешали мне выразить Вам тогда мое неизменное чувство, как высоко я ценю автора бессмертного «Тихого Дона». От души хочется пожелать Вам успеш-

из-под тонко, по-девичьи приподнятых бровей... И глаза, когда говорил, и губы чуть усмехались: «Дескать, знаю, знаю, брат, вижу тебя насковоз...»

из-под тонко, по-девичьи приподнятых бровей... И глаза, когда говорил, и губы чуть усмехались: «Дескать, знаю, знаю, брат, вижу тебя насковоз...»

3. «НОВЫЙ МИР». Читаю о том, как изничтожали опальный по своей независимости журнал А.Твардовского на одном из совещаний: «Деятели искусств — те, которые окружали Кочетова и Шолохова, впрочем вперемежку с партийным подсадом. Стали дружно кричать: — Позор!.. Гражданский позор!.. «Новый мир!..»

Уточню: Шолохов не разделял многие позиции журнала, но не опустился до крикливо-погромного состояния. Доверимся Твардовскому — читаю в воспоминаниях его заместителя А. Кондратовича: «Говорят, что отказался подписать статью Шолохов, к которому специально ездил. Я спросил А.Т., и он подтвердил: «Да, это известно, он отказался подписать». То отзвук тому, что группа писателей готовилась писать статью против «Нового мира».

4. НАДО ЛИ ВЕРИТЬ СЛУХАМ? Читаю: «Встретились мы с Твардовским, и он мне сказал, поблескивая весело, но не без тревоги: «Есть фольклор, что Шолохов на подмосковной даче с 140 помощниками приготовил речь против Солженицына». А я еще был самоуверен, да и наивен, говорю: «Побойтесь быть смешным в исторической перспективе». Твардовский охнул: «Да кто там думает об исторической перспективе! Только о сегодняшнем дне».

Тут мне вспомнилось мудрое: «Лишние догадки невпопад живут». У Шолохова не оказалось никаких против Вас речей.

5. СУДЬБА «ТЕРКИНА». Вот как Вы изложили то, что произошло, когда Хрущев пригласил группу деятелей культуры политический оценить запретного «Теркина на том свете»: «Изворотливый Алжубей (редактор «Известий». — В.О.) первый же и напечатал, но с таким изумлением: как эту поэму к р а с и в о слушал Шолохов».

(Окончание на стр. 11)

Открытое письмо Александру Солженицыну с 25 уточнениями, дополнениями и опровержениями

Независимая газета. 2000. 15 янв. - с. 9, 11

ЭМОЦИИ ИЛИ ФАКТЫ

Многодесятилетнее ниспровержение Михаила Шолохова — есть ли основания?

Александр Солженицын. Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

временному, без былых партпроповских шор, прочтению «Целины» отдана глава «Роман вчера — роман сегодня». Книгу передал Вам через секретаря. Или «Судьба человека». Среди тех, кто восторгался, — Хемингуэй.

Напомню и такое: Толстой, к примеру, тоже многокнижник. Один роман не повторил. Другим возражениям быть в предзаключительном разделе.

5. Саркастично Вы нашли-определили место «плагиатору» в обществе: «Сам непревзойденный Сталин назвал Шолохова «знаменитым писателем нашего времени». Не поспоришь...» Однако взаимоотношения вождя и творца никак не могут быть писаны одной краской. И дело не только в том, что, вопреки Вашему предположению, не только оспаривали, но ведь били на уничтожение Шолохова (см. главу «И еще пять возражений...»).

— Те, кто изыскал для Вас цитату, скрыли ее отнюдь не восхвалительное продолжение — слова вождя-диктатора: «Тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок...» Не зря сразу же последовала команда —

критика «Тихого Дона» за «бледные» образы коммунистов и не был упомянут факт присуждения Сталинской премии. Те же оценки «бледности», но уже по всем трем романам, были вписаны в Записку для секретариата ЦК опять же при жизни Сталина (1950).

6. В заключение расскажу читателям Вашего Предисловия к книжке И.Медведевой кое-что о том, что Вам, как догадываюсь, не удалось узнать.

Несостоятелен сам по себе этот труд, которому Вы определили статью и началом, и продолжением кампании антишолоховщины, ибо пошла переиздания. А как активно он пропагандировался на ТВ и в прессе.

О несостоятельности я не в унижение сказал — скончался автор и книгу не закончил. Затеваля, как сама напечатала, три главы. Но и 1-я не завершена, и у 2-й один раздел вместо трех заявленных, а последней вовсе нет. Да и поразительно мало использовала литературы — из шолоховедения одна(!) лишь книга. Есть и переделки шолоховских текстов. Явно сказывалось, что автор совсем

мне доказал, будто это не Шолохов». М.Джилас с ними. Не признали тему плагиата весьма самостоятельную на суждения К.Симонов, Ф.Абрамов, Юр.Бондарев и другие;

— то, что тему плагиата опровергли интересное писательское исследование романиста Ан.Калинина («Время «Тихого Дона», 1975) и убедительной методой математической статистики скандинавские филологи и электронщики («Кто написал «Тихий Дон»?», на рус. 1989). Да и моя книга «Тайная жизнь Михаила Шолохова... Документальная хроника без легенд» даже своим сугубо биографическим материалом, наделая, разрушает наговор (как уже писал Вам, она содержит две главы с Вашим именем: «М.Шолохов — А.Твардовский — А.Солженицын» и «Почему не убергли Солженицына?»).

...Все думаю: как получилось, что в Ваших оценках Шолохова не Шолохов.

Говорят, что Вы возненавидели собрата по перу, ревнуя к таланту и к славе его, а еще была обида, что он якобы голосовал против

взыграли и тогда придумалось то, что никак нельзя считать фактами.

СЕМЬ ДОПОЛНЕНИЙ К ВОСПОМИНАНИЯМ

Вторая часть моего Обращения призывает Вас, Александр Исаевич, перечитать шолоховские места из «Бодался теленок с дубом».

Может, не зря говорено: «Самому судить — не рассудить». Уверен, что и Вам, и читателям Ваших уже изданных сочинений, и редакторам будущих переизданий станет полезным разбор на надежность. Как же иначе, если беспокоиться о Вашем авторитете. Итак, метода прежняя: комментарий к цитатам.

1. ЗНАКОМСТВО. ДВА ОТЗВУКА. Москва, 1962, глава партии принимает деятелей культуры. Читаю в «Теленке...»: «Хрущев миновал его стороной, а мне предстояло идти прямо на Шолохова... Я — шагнул, и так состоялось рукопожатие. Сорваться на первых порах было ни к чему. Но и — тоскливо мне стало, и сказать совершенно нечего, даже любезного. «— Земляки», — улыбался он под малыми усами, растерянный,

1. ЗНАКОМСТВО. ДВА ОТЗВУКА. Москва, 1962, глава партии принимает деятелей культуры. Читаю в «Теленке...»: «Хрущев миновал его стороной, а мне предстояло идти прямо на Шолохова... Я — шагнул, и так состоялось рукопожатие. Сорваться на первых порах было ни к чему. Но и — тоскливо мне стало, и сказать совершенно нечего, даже любезного. «— Земляки», — улыбался он под малыми усами, растерянный,

1. ЗНАКОМСТВО. ДВА ОТЗВУКА. Москва, 1962, глава партии принимает деятелей культуры. Читаю в «Теленке...»: «Хрущев миновал его стороной, а мне предстояло идти прямо на Шолохова... Я — шагнул, и так состоялось рукопожатие. Сорваться на первых порах было ни к чему. Но и — тоскливо мне стало, и сказать совершенно нечего, даже любезного. «— Земляки», — улыбался он под малыми усами, растерянный,

1. ЗНАКОМСТВО. ДВА ОТЗВУКА. Москва, 1962, глава партии принимает деятелей культуры. Читаю в «Теленке...»: «Хрущев миновал его стороной, а мне предстояло идти прямо на Шолохова... Я — шагнул, и так состоялось рукопожатие. Сорваться на первых порах было ни к чему. Но и — тоскливо мне стало, и сказать совершенно нечего, даже любезного. «— Земляки», — улыбался он под малыми усами, растерянный,

